
Кровь и титул
Книга 1
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
Павел Вереск
18+

Павел Вереск
Кровь и титул. Книга 1

https://litres.ru/74828767
SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где кровь решает всё, а древние аристократические роды правят железной рукой, захудалый род Воронцовых-Младших списали со счетов. Прежний наследник погиб от яда кузенов, но в его остывающем теле очнулся тот, кто привык выживать в самых жёстких условиях. У него нет огромных запасов маны и титулов, но есть холодный расчёт инженера-подрывника и знание того, как устроены чужие плетения изнутри. Старшие ветви хотят забрать остатки земель и уничтожить то, что осталось от имени? Что ж, они ещё пожалеют, что разбудили пса, которого собирались закопать.

Содержание

Глава 1. Пепел в кубке 4
Глава 2. Зал Малых Тяжб 27
Глава 3. Пороховой погреб на Пречистенке 48
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Павел Вереск
Кровь и титул. Книга 1

Глава 1. Пепел в кубке

«В Империи не спрашивают, за что ты пролил кровь. Спрашивают только — чья она была, и хватит ли её, чтобы смыть грязь с твоего герба».

— Из неписаного устава Тайной Канцелярии

В Новой Москве дождь всегда пах не свежестью, а ржавым железом, сернистым газом и дешёвым угольным дымом.

Я стоял у высокого стрельчатого окна родового флигеля, прижав ладонь к холодному свинцовому переплёту, и смотрел, как серые, тяжёлые потоки смывают многолетнюю копоть с черепичных крыш нижнего посада. Там, внизу, в тесных каменных колодцах Замоскворечья, зажатых между заводскими корпусами, паровыми котельными и чугунолитейными цехами, копошились «бескрылые» — люди без единой капли Дара в жилах. В этом мире их жизнь стоила дешевле медного патрона к офицерскому нагану. Они дышали едкой гарью мануфактур, гнули спины на рудных разработках по четырнадцать часов в сутки, чинили паровые котлы и молились только об одном: чтобы очередной выброс изнаночной скверны из пригородных разломов не накрыл их квартал

раньше срока, когда армейские магические кордоны ещё не успеют развернуть защитные купола.

А выше, над слоем вечного бурого смога, на искусственно возведённых гранитными террасами Воробьёвых горах и Кремлёвском холме, сияли хрустальные купола, медные шпили и эфирные маяки великих домов. Нарышкины, Шуйские, Голицыны-Старшие, Юсуповы, Шереметевы. Те, чья кровь горела чистым, концентрированным пламенем высших рангов. Их родовые накопители гудели днём и ночью, разгоняя дождевые тучи над приватными парками и питая многослойные защитные контуры особняков. Там пахло озоном, дорогим французским парфюмом, жареными каштанами и безграничной, безнаказанной властью. Там решались судьбы губерний, распределялись монополии на добычу эфирной руды и подписывались приговоры тем, кто осмелился перейти дорогу столбовому дворянству.

Моя же кровь в лучшем случае едва тлела, как сырой торф на осеннем ветру.

— Ваше сиятельство, — раздался за спиной тихий, чуть сипловатый голос, в котором привычная старческая усталость мешалась с плохо скрываемой тревогой. — Посыльный из Судебной Управы прибыл. Ждёт в прихожей. Сапоги не вытер, скотина, весь ковёр заляпал, но гонор — будто сам князь Юсупов пожаловал.

Я медленно обернулся, отрывая взгляд от мутного стекла, по которому змеились дождевые дорожки. В дверях ка-

бинета стоял Игнат — наш единственный оставшийся слуга, старый, сухой, как прошлогодняя степная полынь, с мутным бельмом на левом глазу и глубоким рваным шрамом, уходящим от виска под высокий воротник потёртой, но аккуратно заштопанной ливреи. Этот глаз он потерял ещё тридцать лет назад в Маньчжурии, под Мукденом, прикрывая моего деда от клыков разломной твари пятого порядка. Дед тогда выжил, вынес истекающего кровью денщика на себе через три версты болотной топи под огнём вражеской артиллерии, и с тех пор Игнат никуда не ушёл. Он остался верен роду даже тогда, когда казна Воронцовых-Младших высохла до звона пустых дубовых сундуков, а остальные челядинцы разбежались к более щедрым и перспективным хозяевам.

— Пусть ждёт, Игнат, — сказал я негромко, поправляя манжеты застиранной, но идеально выглаженной полотняной сорочки. — В нашем положении торопиться — значит признать, что нам есть что терять. И что мы боимся. Чайник согрей. С чабрецом. И достань те две чашки кузнецовского фарфора, что ещё без трещин.

— Чайник-то согрею, Алексей Дмитриевич, — вздохнул старик, переступая с ноги на ногу в стоптанных башмаках. — Только этот хорёк из Управы бумагу с красной печатью притащил. А красная печать нынче — не к добру. Ох, не к добру. Я такие печати ещё при покойном батюшке вашем видел, когда векселя от купца Рябушинского приносили. После них у нас конюшню и выездную карету за долги свели со двора.

— Видел, Игнат, да не те, — я усмехнулся уголком губ, чувствуя, как в груди поднимается привычный, холодный азарт. — Рябушинский хотя бы деньги считал и процент высчитывал, а эти придут душу вынимать и землю из-под ног выбивать. Иди ставь самовар. Я сам с ним поговорю.

Я кивнул старику и прошёл мимо него в длинный, полутёмный коридор. Дубовые половицы под ногами скрипнули — жалобно, по-стариковски, словно сам дряхлый особняк жаловался на свою незавидную участь. На стенах, оклеенных выцветшими шёлковыми обоями с тисненым узором, всё ещё висели потемневшие от времени парадные портреты предков в мундирах с орденами и лентами, но между ними светлели пустые прямоугольники — следы от картин, гобеленов и бронзовых бра, проданных за последние два года покойным отцом, чтобы покрыть хотя бы проценты по банковским закладным.

Три месяца назад, когда я впервые очнулся в этом теле после неудачной «инициации» местного семнадцатилетнего оболтуса, этот постоянный скрип половиц, запах сырой штукатурки и мышиной возни за плинтусами действовали мне на нервы. В моей прошлой жизни я привык к глухой, стерильной тишине бетонных бункеров, к сухому, металлическому щелчку затвора, к запаху оружейного масла, пластита и свежей пороховой гари. Там, откуда я пришёл, не было ни князей, ни родовых гербов, ни красивых сказок о дворянской чести. Была работа. Грязная, ювелирно точная, без

права на ошибку и без второго шанса. Когда ты полжизни проводишь в инженерно-штурмовых группах и работаешь со взрывчаткой там, где малейшая дрожь в пальцах или неверный расчёт детонатора превращает тебя в красное пятно на бетонной стене, ты учишься главному: не паниковать, не верить на слово никому и всегда искать слабую точку в любой, даже самой монолитной конструкции.

А здесь мне досталось тело худосочного дворянчика из вымирающей ветви, старый каменный флигель на отшибе Пречистенки, долги на сорок две тысячи золотых рублей и позорный, въевшийся в саму фамилию ярлык «пустоцвета».

Прежний Алексей Воронцов был парнем мягким, книжным, доверчивым и отчаянно желавшим доказать всем, что он не хуже блестящих кузенов из старшей ветви. Когда его собственный Дар так и не пробудился к семнадцати годам — критическому возрасту для любого аристократа Российской Империи, после которого энергетические каналы окончательно костенеют, — парень впал в чёрное отчаяние. И тут на пороге появился его дорогой троюродный братец Дмитрий. Улыбчивый, щедрый, в новеньком мундире пажеского корпуса с золотыми аксельбантами. Он привёз хрустальную склянку с тёмной, тягучей жидкостью, переливающейся багровыми искрами — якобы редчайший алхимический эликсир из закрытых хранилищ рода, способный пробить любые заторы в каналах. Алексей выпил эту дрянь залпом, даже не проверив на серебряной ложке.

Сердце пацана не выдержало. Оно разорвалось ровно в полночь от чудовищного, неконтролируемого перепада давления в канальцах, которые вместо пробуждения просто выжгло изнутри ядовитым составом. А в двенадцать ноль-одну в остывающую, ещё дёргающуюся в предсмертных судорогах оболочку втащило меня — человека, который сорок лет учился выживать там, где другие ломались за минуту.

Посыльный действительно стоял посреди прихожей, нагло расставив ноги в грязных, забрызганных уличной жижей ботфортах прямо на выцветшем персидском ковре. Молодой, краснощёкий, с рыжими бакенбардами, в новеньком зелёном мундире чиновника Судебного приказа с начищенными медными пуговицами. Увидев меня, он даже не подумал снять фуражку с имперской кокардой, лишь лениво покосился на мой скромный домашний сюртук.

— Воронцов Алексей Дмитриевич? — спросил он тягучим, наглым голосом, оглядывая облупившуюся лепнину на высоком потолке с таким выражением лица, словно уже прикидывал в уме, сколько за этот флигель дадут на закрытых торгах в Дворянском банке.

— Для тебя — Ваше сиятельство, — ровным, безжизненным, но тяжелым как свинец тоном ответил я, останавливаясь в трёх шагах. — И фуражку сними. В доме столбового дворянина находишься, а не в портовом трактире на Хитровке.

Чиновник на секунду растерялся от такого тона, морг-

нул, но тут же криво усмехнулся, медленно стянул головной убор и сунул его под мышку. В его светлых, водянистых глазах плескалось откровенное презрение. В Новой Москве титул без магической силы и звонкой монеты значил меньше, чем дырка от бублика. Даже последний канцелярский писарь знал: род Воронцовых-Младших — труп, который просто по бюрократическому недосмотру забыли закопать.

— Не кипятитесь, сиятельство. Недолго вам тут командовать осталось, — он протянул мне плотный серый конверт, запечатанный массивным сургучом цвета запекшейся крови. — Повестка в Арбитражную палату. Истец — действительный статский советник князь Всеволод Борисович Воронцов, глава старшего дома. В связи с неспособностью младшей ветви содержать родовой удел, злостной неуплатой по закладным и отсутствием в семье одарённого наследника, старший дом требует признать ветвь угасшей. Флигель, остатки земель в Тверской губернии, а также фамильный склеп и родовой архив переходят в полную собственность старшего рода.

Я молча взял конверт. Сургуч сухо хрустнул под пальцами. Бумага была плотной, гербовой, с водяными знаками Имперской судебной канцелярии.

— Когда заседание? — спросил я, даже не разворачивая лист.

— Завтра. Ровно в полдень. Зал Малых Тяжб, — посыльный гадко ухмыльнулся, поправляя лакированную пор-

тупею. — Можете не приходить, сиятельство. По секрету скажу: решение уже предварительно согласовано и подписано тремя советниками. Придёте — только перед почтенной публикой осрамитесь. Говорят, молодой княжич Дмитрий Всеволодович лично желает присутствовать. Хочет посмотреть, как вы на коленях отсрочку просить будете и слёзы на паркет лить.

Внутри меня не дрогнул ни один мускул. Ни вспышки слепого гнева, ни холодного пота паники. Только привычный, ледяной расчёт, который включался в голове каждый раз, когда я видел в перекрестии оптического прицела живую цель или брался за разминирование неразорвавшегося фугаса с часовым механизмом.

— Передай князю Всеволоду, — я посмотрел прямо в глаза посыльному, чуть подавшись вперёд и понизив голос до тихого, тяжёлого шёпота, — что я обязательно буду. Слово дворянина. И пусть Дмитрий тоже приходит. Обязательно. У меня для него остался должок. С процентами.

Чиновник вдруг осекся. Его самоуверенная, наглая ухмылка сползла с лица, будто смытая ледяной водой. В моих глазах он, видимо, увидел не забитого семнадцатилетнего заморыша, а того, кто слишком часто смотрел в лицо смерти и сам отправлял туда других. Посыльный сделал невольный шаг назад, споткнулся каблуком о загнутый край ковра и едва не рухнул на паркет.

— П-передам, — буркнул он, торопливо нахлобучивая

фуражку уже на пороге, и пулей выскочил за тяжёлую входную дверь.

Щёлкнул английский замок. В прихожей снова стало тихо. Только где-то в глубине дома, на кухне, закипал старый медный чайник, тонко посвистывая носиком.

Я прошёл обратно в кабинет, запер дверь на тяжёлый латунный засов и подошёл к массивному письменному столу красного дерева. Отодвинул в сторону пухлую стопку долговых расписок и судебных извещений, нажал на незаметную выемку под резной ножкой столешницы. Раздался тихий щелчок пружины, и из боковой стенки выдвинулся потайной ящик, о существовании которого не знали даже кредиторы.

Внутри, на вытертом до блеска чёрном бархате, лежали три тонкие, идеально прямые гранёные иглы длиной в четыре вершка. Они были выкованы из тёмной, матовой воронёной стали, выплавленной по старому, полузабытому рецепту из метеоритного железа с добавлением серебра и толчёного обсидиана. Единственное, что не успели описать и продать за бесценок судебные приставы, приняв их за бесполезные дедовские безделушки для чистки курительных трубок.

Я взял одну иглу, аккуратно крутанул между большим и указательным пальцами. Металл был ледяным, но стоило мне пустить по кончикам пальцев тончайшую нить своей скудной маны, как по острым граням пробежала тусклая, едва заметная синяя искра. Игла словно проснулась, отозвавшись лёгкой, почти неслышной вибрацией.

Дмитрий Всеволодович думал, что я труп. И все эти девяносто дней, пока в старшем доме считали, что я отлёживаюсь в горячке и пью травяные отвары, я не сидел сложа руки. Я не мог тягаться с ними в объёме маны. Мои энергетические каналы, обожжённые тем самым ядом, были узкими, как игольное ушко, а магический резерв — размером с напёрсток. Любой боевой маг третьего ранга размазал бы меня по кирпичной стенке одним стандартным плетением, даже не вспотев. Но у меня было то, чего не было ни у одного из этих напыщенных павлинов в расшитых золотом камзолах.

Я изучил их магию не по толстым фолиантам придворных чародеев, полным высокопарной чуши о «гармонии стихий» и «величии древней крови». Я разобрал её так, как инженер-подрывник разбирает конструкцию железнодорожного моста или железобетонного дота. Любое, даже самое совершенное и древнее родовое плетение имеет точку опоры. Несущую балку. Замок. Узел критического напряжения, куда стекается вся энергия перед финальным выбросом. И если ударить точно в этот узел — не тяжёлой кувалдой, которой у меня нет, а тонкой стальной спицей из правильного металла — вся их хвалёная мощь сорвётся с нарезов и рванёт у них же в руках.

За последние три месяца я провёл десятки ночных экспериментов в пустом, сыром подвале флигеля. Я собирал по чердакам старые, полуразряженные бытовые артефакты — обогреватели, эфирные светильники, охранные маячки,

— напитывал их крохами своей энергии и учился «видеть» внутреннюю геометрию плетений. Сначала всё расплывалось в мутное сияние, нещадно болела голова, из носа шла густая тёмная кровь. Но к концу второго месяца мозг, привыкший к чтению сложных инженерных схем, чертежей и минных полей, перестроился. Я научился различать силовые линии, контуры подпитки и те самые «замки» — точки пересечения потоков. И оказалось, что метеоритная игла, вброшенная в такой узел с минимальным импульсом моей собственной маны, работает как короткое замыкание в высоковольтном трансформаторе. Энергия врага не исчезает — она мгновенно теряет форму и бьёт по самому источнику.

— Значит, завтра в полдень, — прошептал я в пустоту полутёмного кабинета, чувствуя, как на губах впервые за три месяца появляется хищная, почти забытая улыбка. — Что ж, братец. Посмотрим, чья кровь окажется крепче.

В дверь тихонько поскреблись. Я быстро убрал иглу обратно в бархатный ложемент, задвинул тайник и только после этого крикнул:

— Входи, Игнат. Открыто.

Старик вошёл, неся на медном подносе дымящийся заварочный чайник, две тонкостенные фарфоровые чашки и блюдце с колотым сахаром. Поставив поднос на край стола, он молча разлил густой, ароматный настой цвета тёмного янтаря. Запах горного чабреца мгновенно перебил затхлый дух старых бумаг и сырости.

— Ушёл? — спросил Игнат, косясь на запечатанный конверт с красным сургучом.

— Убежал, — я взял чашку, грея о неё озябшие пальцы. — Завтра в полдень заседание в Арбитражной палате. Хотят признать нашу ветвь угасшей и забрать всё до последнего гвоздя. И флигель, и тверские пустоши, и фамильный склеп.

Лицо старика потемнело. Единственный здоровый глаз сверкнул холодной, стариковской яростью, а пальцы на узловатых руках сжались в кулаки так, что побелели костяшки.

— Сволочи... — выдохнул он сипло. — Всё им мало. У самих пол-Москвы в закладных, доходные дома на Тверской, литейные заводы на Урале, а всё туда же — в последний угол залезть норовят. Покойный батюшка ваш, Дмитрий Александрович, трижды жизнью рисковал в Приамурском разломе, чтобы честь фамилии отстоять и орден Святого Георгия заслужить, а Всеволод в это время в Петербурге по балам шампанское пил. Теперь вот сынка своего прислал добивать.

— Ничего, Игнат. Не добьют, — я сделал глоток горячего чая. Терпкая горечь приятно обожгла горло. — Скажи мне лучше вот что. Дедовский парадный мундир в сундуке ещё цел? Не съела его моль?

Старик удивлённо моргнул, выпрямив сутулую спину.

— Обижаете, Алексей Дмитриевич. Я его каждый месяц лавандой перекладываю и щёткой чищу. Сукно там аглицкое, вечное, пуговицы — чистое серебро с родовым вороном. Только... великоват он вам будет в плечах. Вы же за эти три

месяца совсем исхудали после болезни.

— Ничего. Подгонишь по фигуре до утра, ниткой прихватишь где надо. Завтра я пойду в палату не как нищий проситель в потёртом сюртуке, а как полноправный глава младшей ветви рода Воронцовых.

— Сделаю, барин. Всё в лучшем виде сделаю, — в голосе старика впервые за долгое время прорезались бодрые, твёрдые нотки. — И сапоги хромовые до зеркального блеска наведу. Авось ещё посмотрим, чья возьмёт.

Когда Игнат ушёл, унеся с собой мундир для подгонки, я подошёл к книжному шкафу и достал старый, потрёпанный в кожаном переплёте «Свод родовых уложений Российской Империи» издания 1894 года. Книга весила пуда полтора и пахла пылью веков. Но за последние три месяца я изучил её от корки до корки лучше любого присяжного поверенного.

В этом мире, где аристократия веками грызла друг другу глотки за ресурсы, разломы и влияние при дворе, законы писались кровью и сталью. И в этих законах существовала одна любопытная, архаичная лазейка, о которой в столичных судах предпочитали лишний раз не вспоминать, но отменить которую не решался даже Император — слишком сильна была вековая традиция дворянского сословия. «Право Божьего Суда» или «Родовой Поединок Чести» при оспаривании угасания ветви.

Статья сто сорок вторая гласила чётко и недвусмысленно: если глава младшей ветви не согласен с иском о признании

рода угасшим и заявляет о своей способности лично защитить честь фамилии, суд обязан приостановить имущественное взыскание и назначить поединок между представителями сторон. И старший род не имеет права отказаться от вызова, не покрыв своё имя несмываемым позором и не лишившись права голоса в Дворянском собрании на десять лет.

Князь Всеволод и его сынок Дмитрий были уверены на двести процентов, что забитый «пустоцвет» Алексей Воронцов никогда не решится на дуэль против боевого мага третьего ранга, окончившего пажеский корпус с отличием. Они ждали слёз, мольбы об отсрочке, униженного торга или попытки сбежать в провинцию.

Я перелистнул страницу, проведя пальцем по жёлтой плотной бумаге. Они готовились к лёгкой канцелярской прогулке.

Но прежде чем лечь спать, мне нужно было сделать ещё одно дело. В подвале флигеля, за старыми винными стеллажами, сохранилась дедовская оружейная каморка. Кредиторы выгребли оттуда всё, что имело хоть какую-то рыночную цену: дуэльные пистолеты работы Лепажа, кавказские шашки в серебре, охотничьи штуцеры. Но на дальней полке, под грудой ветоши, осталась жестяная банка с пороховой мякотью, пара старых медных гильз и набор инструментов для мелкого слесарного ремонта.

Я спустился вниз со свечой в медном подсвечнике. В подвале пахло сырым камнем, плесенью и старым железом. По-

ставив свечу на верстак, я достал из кармана небольшую свинцовую пластину, снятую со старого оконного переплёта, и принялся за работу. Мне не нужно было огнестрельное оружие — на родовом поединке разрешались только личный Дар и холодное или метательное оружие из родового арсенала, не заряженное порохом. Но никто не запрещал мне правильно отбалансировать мои иглы и сшить из куска тонкой сыромятной кожи специальный наруч с пружинным фиксатором, позволяющий выбрасывать иглу в ладонь одним лёгким движением запястья.

Два часа ушло на подгонку кожи, вощение ниток и проверку механизма. Когда я надел наруч на левое предплечье и попробовал выброс, игла легла между пальцами с тихим, едва слышным шелестом за долю секунды. Никаких лишних движений, никакого замаха.

Затем я повернулся к старому дубовому щиту, прислонённому к кирпичной стене подвала. На нём мелом были нарисованы три концентрических круга — имитация энергетического контура боевого плетения. Я отошёл на десять шагов, выдохнул, отпустил все посторонние мысли и сделал серию бросков.

Первая игла вошла в центр верхнего круга. Вторая — в центр среднего. Третья — ровно в перекрестие нижнего.

Я подошёл, выдернул иглы из дерева, ощущая приятную тяжесть в мышцах предплечья. Тело семнадцатилетнего аристократа было слабым, не знавшим настоящих физических

нагрузок, но за три месяца ежедневных отжиманий, приседаний и работы на координацию оно начало слушаться меня гораздо лучше. Мышцы налились сухой, жилистой силой, ушла одышка, обострилась реакция.

«Завтра будет жарко, — подумал я, поднимаясь обратно на первый этаж. — Дмитрий наверняка приведёт с собой прихвостней и попытается устроить показательную порку ещё до начала заседания. Значит, нужно быть готовым бить первым — не кулаком, так словом. Вывести его из равновесия, заставить совершить ошибку на глазах у судьи».

Однако одной лишь статьи закона и трёх метеоритных игл могло оказаться недостаточно. В судах Российской Империи, особенно когда речь шла о споре между нищей младшей ветвью и влиятельным сенаторским кланом, всегда существовал риск мелкой, но смертельно опасной подлости. Дмитрий мог явиться на поединок не с пустыми руками, а с одноразовым защитным амулетом высшего круга или алхимическим стимулятором, который в критический момент заблокирует рассеивающий импульс моей иглы.

Чтобы исключить такую вероятность, мне требовался один специфический реагент, о котором я вычитал в дедовских полевых дневниках времён Маньчжурской кампании. «Порошок гашения» — смесь толчёного чёрного турмалина, золы болотного багульника и стружки свинцово-серебряного припоя, используемого для герметизации разломных контейнеров. Сам по себе он не обладал магической силой, но,

будучи нанесённым тонким слоем на грани метеоритной иглы, мгновенно выжигал защитные рунные контуры на любых покупных артефактах среднего ранга.

Купить такую дрянь в официальной алхимической лавке на Кузнецком Мосту я не мог: во-первых, в кармане звенели жалкие тринадцать рублей серебром, а во-вторых, любой лавочник немедленно донёс бы в Сыскной приказ или людям старших Воронцовых о странной покупке опального наследника. Оставался только один путь — Сухаревский ночной толкучий рынок, вернее, его закрытая изнанка в старых кирпичных подвалах за Сретенскими воротами.

Дождавшись, пока на город опустится густая октябрьская темень, я накинул поверх сюртука старую офицерскую шинель без погон, натянул поглубже на лоб потёртый картуз и вышел через чёрный ход флигеля в узкий, заросший бурьяном переулок. Игнат проводил меня до калитки, держа наготове тяжёлую дубовую палку с железным набалдашником.

— К полуночи обернётесь, Алексей Дмитриевич? — спросил старик вполголоса, озираясь по сторонам.

— К одиннадцати буду дома, Игнат. Закрывай засов и никому не открывай до моего условного стука.

Ночная Новая Москва вдали от парадных проспектов напоминала гигантский паровой котёл, готовый вот-вот взорваться. Над заводскими трубами Хамовников и Замоскворечья стояло багровое зарево круглосуточных литейных печей. По булыжным мостовым с грохотом катились тяжелые

паровые грузовики, обдавая прохожих клубами едкого пара и брызгами грязи. На перекрёстках дежурили городовые в чёрных непромокаемых плащах, с винтовками за спиной и сигнальными эфирными свистками на груди, но в кривые, пропахшие кислой капустой и дёгтем переулки Сухаревки полиция лишний раз носа не показывала.

Нужный мне подвал скрывался за неприметной железной дверью в глубине глухого двора-колодца, где сушилось чьё-то серое бельё и жалобно выла привязанная на цепь дворняга. Я постучал условным ритмом, подсмотренным в старых записях деда: два коротких удара, пауза, три быстрых.

Глазок в двери с тихим скрежетом отодвинулся. На меня уставился мутный, желтоватый глаз.

— Чего надо в такой час? Лавка закрыта до утра.

— От старого волка с берегов Сунгари, — негромко произнёс я, глядя прямо в прорезь. — Нужен чёрный песок для чистки стволов.

За дверью повисла долгая пауза, затем звякнула тяжёлая цепь, повернулся ключ в массивном замке, и створка приоткрылась ровно настолько, чтобы мог протиснуться один человек.

Внутри пахло сушёными травами, серной кислотой, старым тряпьём и озоном. За прилавком, сколоченным из неструганых досок, сидел хозяин — кривобокий, лысый мужик в засаленном кожаном фартуке и толстых очках с зелёными стёклами, сквозь которые его глаза казались огромны-

ми, как у лягушки. На полках за его спиной в тусклом свете масляной лампы поблёскивали банки с заспиртованными тварями из мелких разломов, связки медных амулетов, свёрнутые в трубки рунные свитки и старые револьверы с подпиленными мушками.

— Давно из-под Мукдена вестей не было, — проскрипел торговец, оценивающе оглядывая мою фигуру и старую шинель. — Генерал Воронцов, царство ему небесное, славный был вояка. Не брезговал нашим братом, когда нужно было разломную дрянь из окопов выкуривать. Ты, стало быть, внук его? Алексей?

— Он самый, — коротко кивнул я, не подтверждая и не опровергая его догадки. — Дед писал, что у тебя, Филимон, всегда найдётся правильный состав против чужих оберегов.

Торговец криво ухмыльнулся, обнажив редкие жёлтые зубы.

— Найдётся. Только нынче время дорогое, сиятельство. Инспекторы Тайной Канцелярии совсем озверели, каждую неделю облавы устраивают. За склянку «чёрного песка» меньше двадцати пяти рублей золотом не возьму.

Я молча полез в карман, достал оттуда небольшой, но тяжёлый предмет и положил на прилавок. Это был старый серебряный портсигар с гравировкой на крышке — единственная личная вещь, оставшаяся от отца, которую я решил пустить в дело ради выживания.

— Денег нет, Филимон, — сказал я ровно. — Но здесь

чистое серебро восемьдесят четвёртой пробы. Вес — почти полфунта. На лом сдать — и то больше тридцати выйдет. Мне нужна унция порошка, флакон закрепляющего масла и твоё молчание.

Филимон взял портсигар, поскрёб его ногтем, поднёс к самой лампе, разглядывая клеймо пробирной палаты, и удовлетворённо крякнул.

— Деловой подход, сразу видно — не белоручка. Будет тебе и песок, и масло. Только помни, сиятельство: состав этот едкий. Нанесёшь на железо — через сутки само лезвие начнёт крошиться, если не очистить. Так что используй с умом и сразу в дело.

— Учту, — я забрал протянутый свёрток из промасленной бумаги и маленький стеклянный пузырёк, сунул их во внутренний карман шинели и так же бесшумно растворился в ночном тумане переулков.

Обратная дорога заняла сорок минут. Никто за мной не увязался, хвоста не было. Вернувшись во флигель, я сразу спустился в подвал, развёл порошок в закрепляющем масле до состояния густой чёрной пасты и аккуратно, кончиком гусиного пера, нанёс тончайшую полоску вдоль граней каждой из трёх метеоритных игл. Металл мгновенно впитал состав, потемнев ещё сильнее и словно перестав отражать тусклый свет свечи. Теперь даже самый дорогой родовой перстень или защитный амулет не спасёт моего дорогого кузена от короткого замыкания.

Вечер опустился на Новую Москву быстро, принеся с собой холодный порывистый ветер с Москвы-реки и густой туман, затянувший тусклые газовые фонари на Пречистенке. В кабинете горела только одна керосиновая лампа под зелёным стеклянным абажуром — электричество во флигеле отключили ещё месяц назад за неуплату счетов Московской городской управе.

Я сидел за столом, разложив перед собой на куске грубого сукна свои единственные козыри: три метеоритные иглы, готовый кожаный наруч и небольшой брусок мелкого сланца для правки граней.

В дверь снова постучали. На пороге стоял Игнат, держа на вытянутых руках отглаженный, пахнущий лавандой и свежим паром мундир.

— Готово, Алексей Дмитриевич, — сказал старик, аккуратно вешая мундир на спинку стула. — Сидит как влитой. Будто на вас и шили. И сапоги я почистил, у печки поставил, чтобы кожа мягкой была. Только... душа у меня не на месте, барин. Не нравится мне эта затея с судом. Может, лучше к графу Строганову съездить с утра? Он ведь с вашим дедом в одном полку служил, вдруг ссудит денег под залог тверских земель?

— Не ссудит, Игнат, — покачал я головой. — Строганов человек умный, старый и предельно прагматичный. Зачем ему вкладываться в угасающий род и ссориться со старшими Воронцовыми ради куска заболоченной земли под Тверью,

где даже торф добывать невыгодно? В этом мире уважают только силу и готовность идти до конца. Покажешь зубы — с тобой начнут считаться и предлагать сделки. Протянешь руку с прошением — плюнут в ладонь и растопчут.

Старик посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом. В тёплом свете керосиновой лампы его морщинистое лицо с глубокими складками у рта казалось вырезанным из старого мореного дуба.

— Изменились вы сильно после той хвори, Алексей Дмитриевич, — тихо проговорил он. — Раньше всё в книжках сидели, вздыхали, в глаза людям смотреть стеснялись, каждого окрика старшего кузена пугались. А теперь... взгляд у вас стал, как у вашего деда, генерала Александра Петровича, перед штурмом Маньчжурских сопок. Холодный, тяжёлый. Будто вы уже всё наперёд просчитали и смерти не боитесь.

— Просто повзрослел, Игнат. Быстро и за один раз, — ответил я уклончиво, глядя на огонёк лампы. — Когда заглянешь за ту черту, откуда не возвращаются, вся эта столичная мишура перестаёт пугать. Иди спать, старик. Завтра подъём в семь. Нам нужно прийти в палату свежими, подтянутыми и собранными. И ещё: завтра утром, как только я уйду в суд, запри все двери на засовы и никого не впускай, даже если придут с бумагами от самого обер-полицмейстера. Понял?

— Понял, барин. У меня в чулане дедовский обрез двустволки припрятан, ещё с японской войны, с картечью на волков. Если кто полезет без спросу — свинцом угощу, не

посмотрю на чины.

— Вот и славно. Но без крайней нужды не шуми. Всё решится в суде.

Когда старик ушёл, шаркая стоптанными башмаками по коридору, я погасил лампу и подошёл к окну. Дождь наконец прекратился, и сквозь разрывы в тяжёлых свинцовых тучах проглянула бледная, холодная луна. Вдали, на Воробьёвых горах, по-прежнему ярко горели огни великих особняков. Где-то там сейчас пировал в ресторане «Яр» или спал в шёлковых простынях мой кузен Дмитрий, уверенный, что завтрашний день принесёт ему лёгкую победу, унижение бедного родственника и новый особняк в центре Москвы.

Я закрыл глаза, замедляя дыхание. Вдох на четыре счёта, задержка, выдох на четыре счёта. Сердце билось ровно, чётко, как отлаженный швейцарский хронометр. Вся ночь до самого рассвета прошла в коротком, чутком сне без сновидений. А ровно в семь утра я уже стоял под ледяной водой умывальника, смывая остатки сна и готовясь к первому настоящему бою в этом новом, чужом для меня мире.

Глава 2. Зал Малых Тяжб

«Закон в Империи подобен паутине: шмель её прорвёт насквозь, а мелкая муха непременно увязнет. Если, конечно, у мухи не окажется при себе бритвы».

— Народная поговорка нижнего посада

Здание Арбитражной палаты на Пречистенке выглядело так, будто строилось на века и исключительно для того, чтобы одним своим видом давить на психику просителей.

Массивные серые гранитные колонны у парадного входа подпирали тяжёлый треугольный фронтон, украшенный лепным двуглавым орлом, держащим в когтях не скипетр и державу, а перекрещённые обнажённый меч и весы правосудия. Тяжёлые дубовые двери, обитые коваными полосами вороненой стали, открывались с глухим, утробным стоном. Внутри, в просторном двухсветном холле, царил торжественный полумрак: сквозь высокие узкие стрельчатые окна пробивался блеклый утренний свет, тонувший в густых тенях мраморных пилонов. Здесь всегда пахло дорогой полиролью для красного дерева, жжёным сургучом, табачным дымом и безнадёжной канцелярской кабалой.

Я поднимался по широкой парадной лестнице не спеша, чётко отсчитывая каждый шаг. На мне сидел дедовский парадный мундир. Игнат ночью сотворил настоящее чудо: ушил бока, подтянул плечи, отпарил лацканы так, что тём-

но-синее сукно казалось только что вышедшим из мастерской придворного портного. На воротнике и обшлагах тускло поблёскивало серебряное шитьё, а на левой стороне груди был приколот фамильный знак младшей ветви — чёрный ворон, сжимающий в когтях сломанную стрелу. Никакой лишней показухи. Никаких чужих регалий. Но спину этот мундир заставлял держать прямо, словно к позвоночнику привязали стальной шомпол. А под левым обшлагом, в кожаном наруче с пружинным фиксатором, покоились три метеоритные иглы, готовые в любую секунду лечь в пальцы.

В холле второго этажа толпились мелкие стряпчие, курьеры в зелёных ливреях, присяжные поверенные с пухлыми портфелями и несколько провинциальных дворян, ожидавших очереди по земельным тяжбам. При моём появлении негромкие разговоры на секунду стихли. Кое-кто узнал фамильный знак Воронцовых-Младших и тут же отвёл глаза, спеша отойти подальше к мраморным колоннам. Связываться с обречённым родом никто не хотел — в Новой Москве бедность и магическая слабость считались более заразными, чем чёрная оспа.

— Эй, обносок! Гляди-ка, приплёлся всё-таки! А я уж думал, помер по дороге от страха!

Наглый, раскатистый голос раздался сверху, с балюстрады галереи. Я медленно поднял взгляд.

Дмитрий Всеволодович Воронцов стоял, вальяжно облокотившись на полированные мраморные перила. Высокий,

широкоплечий, с холёным лицом и коротко стриженными русыми волосами. На нём был новенький мундир столичного департамента гвардии с богатым золотым шитьём на стоячем воротнике, а на указательном пальце правой руки сверкал массивный золотой перстень с крупным, размером с фасолину, родовым рубином старшей ветви — артефактным накопителем и усилителем маны. Рядом с ним крутились двое прихвостней из захудалых дворянских фамилий — такие же молодые щеглы, привыкшие греться в лучах чужого влияния и подбирать крохи с барского стола.

Дмитрий ухмылялся широкой, самоуверенной улыбкой сытого хищника, который заранее знает исход охоты и просто решил немного поиграть с загнанным зайцем перед тем, как перегрызть ему горло.

— Я думал, ты в подвале своего сарая удавился, Алексей, — громко бросил он так, чтобы слышали все чиновники, секретари и посетители в холле. — А ты вон чё... На дедовские тряпки надежду возложил? Думаешь, нафталиновый мундир спасёт тебя от позора? Суд уже вынес предварительное определение. Через полчаса этот твой гнилой флигель перейдёт в нашу собственность, мы его снесём к чёртовой матери и построим там доходный дом с лавками. А тебя, так и быть, приказчиком в тверскую глушь сошлём — свиней считать и навоз чистить!

Двое его приятелей дружно заржали, косясь на меня с откровенным злорадством. Несколько чиновников в серых

сюртуках тут же уткнулись носами в бумаги, делая вид, что оглохли. Никто в Арбитражной палате не рискнул бы пойти против старшей ветви Воронцовых, имевших прямые выходы на министра юстиции и Сенат.

Я поднялся ещё на три ступени и остановился прямо напротив Дмитрия, спокойно глядя ему в глаза. Ни злости, ни обиды. Только холодный, препарирующий интерес.

— Твой прадед, Всеволод Борисович, когда-то закладывал первый камень в фундамент нашего родового гнезда, пока твои предки проигрывали последние имения в карты в петербургских притонах, — мой голос звучал негромко, но благодаря акустике сводчатого холла каждое слово отчётливо разносилось по залу. — А ты, Димон, даже чужую зажигалку в руках удержать не можешь, чтобы не спалить собственные манжеты. Рано радуешься. Цыплят по осени считают, а долги — по крови. Тем более долги за ту склянку с отравой, что ты мне три месяца назад притащил.

Лицо Дмитрия мгновенно перекосилось. Самодовольная улыбка слетела с губ, обнажив белые зубы и вспыхнувшую в глазах бешеную ярость. Упоминание об отравлении при посторонних свидетелях явно ударило по самому больному месту.

— Ах ты, тварь безродная... — прошипел он, делая резкий шаг вперёд и инстинктивно вскидывая правую руку. На кончиках его пальцев с сухим, злым треском вспыхнул багровый, пульсирующий сгусток маны — классическое боевое

плетение «Кровавая искра», способное на близкой дистанции прожечь человеку плечо навылет или превратить лицо в обугленную маску. — Забыл, как три месяца назад на полу в соплях ползал?! Я тебя сейчас прямо здесь, на лестнице, обнулю, и скажу, что ты сам на меня с ножом бросился!

Вокруг испуганно ахнули секретари. Какая-то пожилая дама в шляпке с вуалью взвизгнула и прижалась к стене. Судебные приставы у дальних дверей дёрнулись было вперёд, но, увидев герб старшей ветви на плече княжича, нерешительно замерли на месте.

А я даже не сдвинулся с места. Внутри меня всё мгновенно сузилось до острой, звенящей точки абсолютной концентрации. Мир вокруг словно замедлился. Я видел, как дрожит раскалённый воздух вокруг багрового сгустка в руке Дмитрия, слышал его тяжёлое, сбивчивое дыхание.

Моя мана — жалкая капля в сравнении с его полным резервом. Но мне не нужно было перебарывать его грубой силой. Мой взгляд, натренированный за долгие недели в подвале, уже зацепил главное: нестабильный, лихорадочно вибрирующий узел критического напряжения в самом центре его плетения, там, где потоки энергии из каналов предплечья проходили через родовой рубин в перстне для усиления. Дмитрий спешил, злился и перекачал в контур лишнюю треть мощности. Замок плетения трещал по швам.

Я слегка повернул левое запястье. Пружинный фиксатор бесшумно щёлкнул, и первая метеоритная игла сама скольз-

нула в пальцы правой руки. Я уже рассчитал траекторию броска: полторы сажени дистанции, угол двадцать градусов снизу вверх, вогнать иглу точно в энергетический узел над его правым запястьем. Вся его «Кровавая искра» схлопнулась бы внутрь, оторвав наглому княжичу кисть по самый локоть.

Но до бойни не дошло.

— Стоять, Дмитрий! Немедленно убрать плетение! — громовой, раскатистый бас расколол напряжённую тишину холла.

Из высоких двустворчатых дверей Зала Малых Тяжб вышел председательствующий судья — высокий, сухощавый старик с густой серебряной шевелюрой и пышными бакенбардами. Статский советник Аполлон Николаевич Орлов. На его тёмно-синем судейском мундире тяжёлым золотом поблёскивали ордена Святого Владимира и Святой Анны за беспорочную службу в имперских судах, а холодный, колючий взгляд из-под нависших седых бровей резал острее любого офицерского палаша.

— Что за кабацкий балаган в стенах казённого учреждения?! — прогремел Орлов, обводя взглядом замерших людей. — Княжич Дмитрий, уберите магию в ту же секунду, иначе я прямо сейчас составлю представление в Сенат и наложу штраф на имя вашего батюшки в размере десяти тысяч рублей! А вы, молодой человек... Воронцов-Младший, полагаю? Проходите в зал. Судебное заседание начинается,

и я не намерен терпеть задержек.

Дмитрий тяжело, со свистом задышал, сжал кулак, с трудом гася багровую вспышку на пальцах. Рубин в его перстне тускло мигнул и погас. Княжич бросил на меня взгляд, полный чёрной, концентрированной ненависти, и процедил сквозь стиснутые зубы так тихо, чтобы не услышал судья:

— Мы ещё не закончили, падаль. После заседания я с тебя шкуру живьём спущу.

— Жду не дождусь, братец, — так же тихо и спокойно ответил я, возвращая иглу в наруч под манжетом.

Зал Малых Тяжб оказался небольшим, но мрачным и торжественным помещением, обшитым тёмным мореным дубом от паркета до самого кессонного потолка. В глубине зала, на высоком ступенчатом возвышении, стояло массивное кресло председательствующего судьи под огромным бронзовым барельефом имперского герба. По бокам располагались места для судебных заседателей и секретаря, заваленного стопками синих папок, гусиными перьями и медными чернильницами.

В центре зала стояли два дубовых барьера друг напротив друга. За правым барьером уже расположилась делегация старшей ветви: сам Дмитрий, развалившийся в кресле с видом скучающего хозяина жизни, и их семейный стряпчий — худой, желчный господин в золотых очках с длинным хищным носом и толстым кожаным портфелем, набитым бумагами. Позади них на скамьях для публики расселись те са-

мые двое прихвостней Дмитрия и ещё пара любопытствующих дворян, пришедших поглазеть на официальные похороны старого рода.

Я прошёл к левому барьеру и сел в одиночестве. Скамья за моей спиной была абсолютно пуста. Ни адвокатов, ни поручителей, ни свидетелей. Один против всей финансовой, административной и магической мощи старшего клана.

Статский советник Орлов тяжело опустился в судейское кресло, поправил серебряные очки на переносице и глухо стукнул деревянным молотком по подставке.

— Судебное заседание Арбитражной палаты объявляется открытым, — монотонно, без малейших эмоций произнёс судья. — Секретарь, огласите суть дела.

Молодой чиновник с бледным лицом вскочил со своего места, развернул гербовый лист и затараторил:

— Слушается исковое заявление главы старшего дома рода Воронцовых, действительного статского советника князя Всеволода Борисовича Воронцова, о признании младшей ветви рода Воронцовых в лице единственного оставшегося представителя, Алексея Дмитриевича Воронцова, угасшей ввиду отсутствия магического потенциала, несостоятельности в уплате родовых долгов в сумме сорока двух тысяч рублей золотом и неспособности нести государственную службу. Истец требует передать родовой флигель на Пречистенке, земельный надел в Тверской губернии, а также право распоряжения фамильным архивом и склепом в ведение старшего

дома.

— Сторона истца поддерживает требования? — спросил Орлов, переводя взгляд на стряпчего.

Худой адвокат вскочил с места, поправил кружевные манжеты и заговорил елейным, тягучим голосом, в котором сквозило плохо скрываемое торжество:

— В полной мере, Ваше превосходительство! Все доказательства неопровержимы и подшиты к делу. Векселя просрочены более чем на восемь месяцев. В родовом имении не осталось ни прислуги, ни охраны, ни средств к существованию. Более того, согласно официальной выписке из Медицинской коллегии при Тайной Канцелярии, ответчик Алексей Дмитриевич после перенесённой три месяца назад горячки полностью утратил даже те ничтожные зачатки Дара, которыми обладал от рождения. Род Воронцовых-Младших фактически мёртв, Ваше превосходительство. Передача имущества старшему дому — единственный законный способ сохранить честь древней фамилии и не допустить продажи родового гнезда с молотка за долги разночинцам.

Стряпчий сел, бросив на меня торжествующий взгляд поверх золотых очков. Дмитрий на соседнем стуле довольно ухмыльнулся и подмигнул своим дружкам на скамье.

Судья Орлов медленно повернул голову в мою сторону. Его тяжёлый, проницательный взгляд упёрся мне прямо в переносицу.

— Ответчик Алексей Дмитриевич Воронцов. Вы призна-

ёте исковые требования? Имеете ли вы средства для немедленного погашения долговых обязательств или доказательства своей магической состоятельности?

В зале повисла мёртвая, звенящая тишина. Слышно было, как за окном по стеклу барабанят тяжёлые капли дождя и как скрипит перо секретаря, замершего над протоколом.

Я не спеша поднялся со своего места. Положил ладони на гладкий дубовый край барьера.

— Ваше превосходительство, — начал я громко, чётко и абсолютно спокойно. — Исковые требования старшего дома я не признаю ни в одном пункте. Заявление господина стряпчего о моей магической несостоятельности основано на устаревших справках трёхмесячной давности. Мой Дар не утрачен, а лишь находился в стадии глубокой перестройки после тяжёлого отравления, которое, к слову, произошло сразу после визита уважаемого княжича Дмитрия Всеволодовича в мой дом с неким «целебным эликсиром».

По залу прокатился сдержанный шёпот. Дмитрий дёрнулся на стуле, побагровев от злости:

— Ложь! Ваше превосходительство, он нагло клевещет! Я привёз ему редкое лекарство из лучших родственных побуждений!

— Тишина в зале! — рявкнул Орлов, снова ударив молотком. — Продолжайте, ответчик. Одни слова к делу не пришьёшь. Долг в сорок две тысячи рублей никуда не делся.

— Безусловно, Ваше превосходительство, — кивнул я. —

И именно поэтому, руководствуясь статьёй сто сорок второй «Свода родовых уложений Российской Империи», я заявляю официальный отвод имущественному взысканию и требую разрешения спора путём Родового Поединка Чести между мной и представителем старшего дома. Согласно букве закона, победа ответчика в поединке аннулирует претензии истца на родовой удел и даёт младшей ветви законную отсрочку по уплате векселей сроком на один год.

Тишина в зале стала такой плотной, что её можно было резать ножом. Стряпчий замер с открытым ртом, уронив золотые очки на грудь. Секретарь выронил перо, оставив на протоколе жирную чернильную кляксу.

А Дмитрий Всеволодович вдруг расхохотался. Громко, раскатисто, с искренним, звериным восторгом.

— Ты серьёзно, калека?! — заорал он, вскакивая на ноги. — Поединок?! Против меня, мага третьего ранга, лучшего дуэлянта гвардейского выпуска?! Ваше превосходительство, я принимаю вызов! Немедленно! Прямо сейчас! Чтобы завтра же закопать этого выскочку в его же фамильном склепе по всем правилам закона!

Судья Орлов долго, пристально смотрел на меня, словно пытался понять, сошёл ли я с ума от отчаяния или действительно держу в рукаве козырный туз. Наконец старик тяжело вздохнул и кивнул.

— Закон есть закон. Вызов брошен и принят при свидетелях. Арбитражная палата не вправе отказать дворянам в пра-

ве крови. Поединок состоится через полчаса во внутреннем дуэльном дворе палаты под моим личным надзором. Секретарь, оформляйте протокол.

Я медленно опустился на стул, чувствуя, как по спине пробегает приятный, бодрящий холодок. Приманка сработала на сто процентов. Зверь сам прыгнул в капкан.

— Позвольте возразить, Ваше превосходительство! — взвизгнул стряпчий старшей ветви, вскакивая с места так резко, что его золотые очки едва не слетели с носа. Лицо адвоката пошло красными пятнами. Он явно не ожидал такого поворота и теперь лихорадочно листал кодекс, пытаясь найти зацепку. — Статья сто сорок вторая применяется исключительно в тех случаях, когда обе стороны обладают подтверждённым магическим статусом! Ответчик же числится в реестре как неинициированный! Допускать его к Родовому Поединку — всё равно что санкционировать законное самоубийство! Это противоречит духу уложения!

Я спокойно посмотрел на суетящегося адвоката и перевёл взгляд на председательствующего судью.

— Господин стряпчий плохо читает примечания к статье, Ваше превосходительство, — ровным, негромким голосом произнёс я, чувствуя, как в зале нарастает напряжение. — Пункт третий примечания гласит: «При отсутствии у ответчика свидетельства о ранге Дара, но при наличии в его жилах подтверждённой крови столбового рода, сам факт выхода на дуэльный круг и активация родового оружия признаются до-

статочным доказательством правоспособности». У меня при себе фамильные клинковые иглы рода Воронцовых, зарегистрированные в Герольдии ещё при прадеде. Этого более чем достаточно.

Судья Орлов медленно кивнул, перелистывая лежащий перед ним толстый том уложений. Его колючие глаза поверх очков внимательно изучили моё лицо.

— Ответчик прав, господин присяжный поверенный, — сухо отрезал судья, заставив адвоката поперхнуться воздухом и плюхнуться обратно в кресло. — Закон не делает скидок на ранг, если дворянин готов платить за своё право собственной кровью. Вызов принят княжичем Дмитрием добровольно и при свидетелях. Попытка отыграть назад сейчас будет расценена судом как трусость и отказ от иска.

Дмитрий самодовольно оскалился, похлопав стряпчего по плечу.

— Слышал, старик? Не мешай мне. Я сам разберусь с этим нищебродом за десять секунд. И бумаг меньше писать придётся.

Когда нас вывели из зала заседаний и провели по узкому, сырому каменному коридору к внутреннему дуэльному двору, я использовал каждую секунду этих коротких тридцати минут для холодного анализа. Нас развели по разным предбанникам для подготовки. В моей комнате стояли только деревянная скамья, умывальник и вешалка.

Я снял дедовский мундир, оставшись в плотной полотня-

ной рубашке, проверил крепление кожаного наруча на левом предплечье, ещё раз убедился, что три чёрные метеоритные иглы, покрытые ночным составом Филимона, сидят в гнёздах плотно, но выходят при малейшем движении кисти. Затем я сделал несколько глубоких вдохов, разгоняя по узким, обожжённым каналам ту жалкую каплю маны, что была в моём распоряжении. В висках привычно застучало, во рту появился слабый металлический привкус — верный признак того, что резерв на пределе. Но мне и не требовалось много. Мне нужен был всего один точный импульс в нужную долю секунды.

Внутренний дуэльный двор Арбитражной палаты представлял собой квадратный колодец со стороной в двадцать шагов, окружённый глухими кирпичными стенами высотой в три этажа. По периметру стен тянулись рунные медные шины — защитный контур, призванный гасить шальные магические разряды, чтобы они не выбили стёкла в канцеляриях и не задели наблюдателей. Под ногами хрустел мелкий серый гравий, потемневший от недавнего дождя.

На узком каменном балконе второго этажа уже заняли места судья Орлов, двое заседателей, дежурный лекарь с саквояжем в белом фартуке и стряпчий старшей ветви, который нервно теребил цепочку золотых карманных часов. Прихвостни Дмитрия перегнулись через каменные перила, предвкушая скорую и кровавую расправу.

Мы с Дмитрием стояли друг напротив друга у противопо-

ложных белых линий, прочерченных мелом по гравию. Дистанция — пятнадцать шагов.

Дмитрий сбросил парадный мундир, оставшись в белой батистовой рубашке с закатанными по локоть рукавами. На его правом предплечье чётко проступала вязь родовых рун, уже наливающихся тусклым багровым светом. Рубин в перстне пульсировал, как живое сердце, разгоняя ману по каналам.

— Последний шанс, нищеброд, — крикнул он через двор, растягивая губы в жестокой усмешке. — Встань на колени, подпиши отказную на флигель, и я, так и быть, оставлю тебя в живых. Просто сломаю пару рёбер для науки, чтобы знал своё место. Иначе — вынесут ногами вперёд.

Я молча расстегнул верхнюю пуговицу воротника дедовского мундира, чтобы не стесняла дыхание. Встал вполоборота, чуть согнув колени — не в вычурную фехтовальную стойку, принятую у столичных дуэлянтов, а в низкую, устойчивую позицию бойца рукопашного боя, из которой одинаково удобно уходить с линии огня влево или вправо.

— Начинай уже, пустозвон, — спокойно бросил я. — У меня ещё дела в городе.

Сверху раздался сухой удар судейского молотка о каменный парапет.

— Поединок начат! Бой до первой крови или признания поражения! Смертоубийство запрещено законом!

Дмитрий не стал тратить время на разведку. Он взревел от

ярости и выбросил вперёд обе руки. Воздух перед ним взорвался багровым пламенем. С кончиков его пальцев сорвались сразу три огненных копья «Кровавой искры», летящих веером, чтобы перекрыть мне пути отхода.

«Слишком жадно, братец. Слишком много пафоса», — мелькнула в голове ледяная мысль.

Я не стал ставить магический щит — моего резерва не хватило бы даже на то, чтобы отразить одно такое копьё. Вместо этого я резко упал в перекат влево, прямо на мокрый гравий, пропуская огненный веер в полуметре над плечом. Жар обдал лицо, пахнуло палёным сукном. Копья врезались в кирпичную стену за моей спиной, выбив сноп искр и заставив защитные руны гулко загудеть.

Не давая Дмитрию опомниться, я вскочил на ноги и сократил дистанцию на пять шагов. Лёгкий поворот левого запястья — и первая метеоритная игла привычно легла в пальцы правой руки.

— Ах ты, крыса! Прыгаешь?! — заорал Дмитрий, сбитый с толку тем, что противник не встал в глухую оборону, а пошёл на сближение. Он снова начал плести контур — на этот раз тяжёлый, массивный «Багровый молот», требующий двух секунд концентрации. Вокруг его правой кисти закрутился плотный вихрь энергии, рубин засиял ослепительно ярко.

Вот он. Тот самый момент. Узел напряжения в центре плетения раздулся, как перекачанный футбольный мяч. Вся ма-

на Дмитрия стянулась в одну точку перед выбросом.

Я не стал тратить время на прицеливание — мышечная память сделала всё сама. Резкий шаг вперёд, разворот корпуса, хлёсткий бросок правой рукой от плеча. Тонкая чёрная игла из метеоритного железа, напитанная крошечной искрой моей маны, прошила воздух, как пуля из мелкашки.

Она вошла точно в центр багрового вихря в трёх дюймах от ладони Дмитрия.

На долю секунды во дворе наступила абсолютная, звенящая тишина. Звук словно выключили. А затем раздался сухой, оглушительный хлопок, похожий на разрыв артиллерийского снаряда.

Плетение «Багрового молота», лишённое несущего замка, мгновенно схлопнулось внутрь. Неконтролируемый выброс чудовищной, спрессованной энергии ударил по самому создателю. Золотой перстень с рубином на пальце Дмитрия разлетелся на мелкие раскалённые осколки. Княжича швырнуло назад, как тряпичную куклу; он пролетел по воздуху три сажени и тяжело рухнул на серый гравий, схватившись за обожжённую, окровавленную правую руку. Его дикий, полный ужаса и животной боли вопль разорвал тишину дуэльного двора.

На балконе повисла гробовая тишина. Стряпчий выронил золотые часы, которые со звоном ударились о каменную плиту. Прихвостни Дмитрия побледнели как мел и отшатнулись от перил. Даже старый судья Орлов подался вперёд, вцепив-

шись пальцами в балюстраду и глядя на меня так, словно впервые в жизни увидел не юнца-недоучку, а древнего демона из изнаночных разломов.

А я неторопливо, не меняя ровного шага, подошёл к корчащемуся на гравии кузену, остановился в двух шагах, щёлкнул пружинным фиксатором, выхватил вторую метеоритную иглу и холодно посмотрел на него сверху вниз.

— Ты проиграл, братец, — тихо произнёс я так, чтобы слышал только он. — И это только первый взнос по твоему долгу за ту склянку с ядом. Сдаёшься, или мне проверить на прочность твою левую руку?

Дмитрий поднял на меня полные слёз и ужаса глаза. От прежнего столичного щеголя не осталось и следа — передо мной лежал перепуганный, сломленный мальчишка, впервые в жизни столкнувшийся с тем, что его кровь и титул не защищают от боли.

— С-сдаюсь... — прохрипел он, зажимая обожжённую кисть. — Признаю поражение! Лекаря! Зовите лекаря!

Сверху глухо стукнул судейский молоток.

— Поединок окончен! Победа присуждается ответчику, главе младшей ветви рода Воронцовых Алексею Дмитриевичу! Исковые требования старшего дома отклоняются в полном объёме, а по долговым обязательствам назначается законная годовая отсрочка!

Я убрал иглу обратно в наруч, аккуратно отряхнул пыль с дедовского мундира и, не удостоив более никого взглядом,

направился к выходу со двора. У меня был целый год, чтобы поднять свой род из пепла, раздобыть денег и превратить крошечную искру в своей крови в настоящее пламя. И теперь вся Новая Москва знала: младшая ветвь Воронцовых вернулась в игру.

Пока дежурный лекарь в белом фартуке, суетливо размахивая руками и бормоча заклинания первой помощи, перевязывал обожжённую, дымящуюся правую руку Дмитрия, на каменном балконе второго этажа творилось настоящее столпотворение. Стряпчий старшей ветви бегал от одного заседателя к другому, размахивая руками и пытаясь что-то доказать, но статский советник Орлов оставался непреклонен, как гранитный монумент.

— Никаких протестов я не приму, господин поверенный! — гремел голос судьи над дуэльным двором. — Поединок прошёл в строгом соответствии с дуэльным кодексом. Запрещённого оружия или стороннего вмешательства не зафиксировано. Обыск тела и одежды ответчика проведён приставами перед боем — при нём находились лишь зарегистрированные родовые иглы. То, что ваш доверитель перекачал собственное плетение и не справился с отдачей — исключительно его вина и показатель скверной выучки в гвардейском корпусе!

Эти слова старого судьи резанули по самолюбию старших Воронцовых больнее любого клинка. Признать поражение от «пустоцвета» — это одно. Но получить официальную за-

пись в судебном протоколе о том, что гвардейский офицер старшего дома сам подорвался на собственном плетении из-за неумения контролировать ману — это гарантированный скандал на всю Новую Москву и косые взгляды при дворе.

Дмитрий, которому лекарь наконец влил в рот обезболивающий эликсир, с трудом поднялся на ноги при поддержке своих двух прихвостней. Его лицо было белым как мел, губы дрожали, а на правой руке белела толстая повязка, пропитанная жёлтой мазью. Гвардейский мундир, наброшенный ему на плечи, висел криво, словно на пугале.

Проходя мимо меня к выходу со двора, он остановился на секунду. В его глазах больше не было прежнего ленивого презрения — там плескался животный страх, смешанный с бессильной, чёрной злобой.

— Мой отец... — прохрипел он пересохшими губами. — Ты не знаешь, во что ввязался, ублюдок. Князь Всеволод тебя в порошок сотрёт. Никакой суд тебе не поможет. Через неделю от твоего флигеля даже фундамента не останется...

Я спокойно посмотрел ему прямо в глаза, чуть склонив голову набок.

— Передай отцу, Димон, что я всегда дома после шести вечера. Пусть заходит на чай. Только без яда в кармане — а то в следующий раз игла пойдёт не в перстень, а в сонную артерию. И никакой лекарь не успеет добежать.

Дмитрий дёрнулся, словно от пощёчины, и торопливо зашагал к выходу, чуть не сбив с ног своего адвоката.

Через пятнадцать минут я уже сидел в кабинете секретаря Арбитражной палаты и ставил размашистую подпись под официальным определением суда. Гербовая бумага с синей печатью и личной подписью статского советника Орлова теперь лежала в моём внутреннем кармане. Родовой флигель, тверские земли и склеп оставались за мной. У меня был целый год законной передышки от кредиторов и старшего рода.

Когда я вышел на крыльцо Арбитражной палаты, серые тучи над Пречистенкой наконец разошлись, и на мокрую, блестящую брусчатку упал первый холодный луч осеннего солнца. Я глубоко вдохнул свежий, пахнущий дождём и озоном воздух. Первый раунд остался за мной. Но настоящая война за место под солнцем Новой Москвы только начиналась.

Глава 3. Пороховой погреб на Пречистенке

«Выиграть бой в зале суда — значит лишь заставить врага сменить перо на кинжал. И хорошо, если к моменту его визита у тебя в сенях уже натянута струна».

— Из полевой памятки штурмовых групп

От Арбитражной палаты до нашего флигеля на Пречистенке было не больше двадцати минут пешком, но я шёл так, словно пробирался через заминированную зелёнку на нейтральной полосе.

Спина оставалась прямой, шаг — размеренным и неторопливым, но глаза непрерывно сканировали улицу. Отражения в мутных витринах галантерейных лавок, подворотни доходных домов, крыши извозчичьих пролёток, уныло мокнущих у тротуара. В прошлой жизни привычка проверять «хвост» и сектора обстрела спасла мне шкуру как минимум четырежды. Здесь же, в Новой Москве, цена беспечности была ничуть не ниже.

Дмитрий — щенок, привыкший к вседозволенности. Его папаша, князь Всеволод Борисович, человек совсем другого калибра. Действительный статский советник, сенатор, глава богатейшей ветви рода не станет ждать милостей от арбитража и уж точно не позволит какому-то «выскочке» безна-

казанно опозорить фамилию перед всем столичным дворянством. Официально по закону старший дом связан по рукам и ногам на целый год: любая открытая атака на наследника, выигравшего Божий Суд, повлечёт немедленный арест счетов и лишение места в Сенате. Но в Империи полно способов убрать неугодного так, чтобы формально остаться ни при чём. «Несчастный случай» на ночной улице, шальная пуля во время пьяной драки у трактира или визит наёмных лиходеев с Хитровки, которые якобы залезли в старый особняк поживиться серебром и случайно прирезали хозяина.

На углу Мёртвого переулка я на секунду задержался у газетного киоска, делая вид, что рассматриваю свежий выпуск «Московских ведомостей». В мокром стекле витрины чётко отразилась противоположная сторона улицы. Возле чугунной тумбы с афишами Имперского театра стоял высокий сутулый тип в длинном чёрном пальто и надвинутом на самые глаза котелке. Он лениво крутил в пальцах незажжённую папиросу, но взгляд его ни на секунду не отрывался от моей спины.

Хвост. Причём не гвардейский сопляк из свиты Дмитрия, а профессиональный топтун — двигается мягко, плечи расслаблены, в толпе не выделяется. Скорее всего, кого-то из личной службы безопасности князя Всеволода приставили сразу после того, как посыльный доложил о моём обещании явиться в суд.

Я спокойно свернул в узкий проулок, ведущий к нашему

флигелю, и ускорил шаг ровно настолько, чтобы исчезнуть за поворотом на десять секунд раньше преследователя. Оказавшись в глухом тупичке за каретным сараем, я прижался спиной к мокрой кирпичной стене, бесшумно щёлкнул пружинным фиксатором наруча и выпустил в пальцы вторую метеоритную иглу.

Топтун вывернул из-за угла через восемь секунд, на ходу шаря рукой во внутреннем кармане пальто. Увидев пустой проулок, он на долю секунды сбился с шага — и в ту же секунду холодное остриё иглы упёрлось ему точно в яремную ямку под подбородком.

— Руки на виду, — тихо произнёс я, вжимая его спиной в сырую кладку. — Одно резкое движение — и через три секунды захлебнёшься собственной кровью. Кто послал?

Мужик замер, закатив глаза вниз, чтобы разглядеть тонкое чёрное лезвие у своего горла. От него пахло дешёвым табаком, мокрой шерстью и старым армейским сукном. Не маг — обычный «бескрылый» из отставных унтеров, каких великие дома сотнями держат на жалованье для грязной работы.

— Не дёргаюсь, барин, не дёргаюсь... — прохрипел он сипло, медленно поднимая пустые ладони на уровень плеч. — Приказ от управляющего князя Всеволода Борисовича. Велено только смотреть, куда пойдёте и с кем говорить будете. Никакого мокрого дела, крест святой!

— Верю, — усмехнулся я, не убирая иглу. — На мокрое

дело посылают ночью и не в одиночку. Передай управляющему, а через него — его сиятельству князю Всеволоду, что ходить за мной по пятам — пустая трата казённых денег. Если князь захочет поговорить, ворота моего флигеля открыты до заката. А если ещё раз увижу кого-то из ваших у своего забора после темноты — назад он вернётся в мешке. Проваливай.

Я отступил на шаг, убирая иглу в наруч. Топтун не стал испытывать судьбу: сглотнул, коротко кивнул и, не оборачиваясь, быстрым шагом скрылся в переулке.

Игнат открыл парадную дверь ещё до того, как я успел постучать. Старик стоял на пороге бледный, с взъерошенными седыми волосами, сжимая в узловатых руках обещанный дедовский обрез двустволки. Увидев меня целым, невредимым и в безупречно чистом парадном мундире, он выдохнул с таким облегчением, словно с его сгорбленных плеч сбросили мешок с чугунными чушками.

— Живы, барин! Слава Тебе, Господи, живы! — запричитал старик, торопливо запирая за мной дверь на все три засова и массивную железную цепь. — А я тут уж всякое передумал! Час назад мимо окон пролётка со старшим стряпчим пронеслась, так он чуть шею не свернул, на наш флигель глядючи — лицо белее мела, глаза навыкате! Неужто отбились?!

— Отбились, Игнат. И даже с процентами, — я вытащил из внутреннего кармана гербовый лист с синей судейской пе-

чатью и протянул старику. — На целый год флигель и тверские земли неприкосновенны. А твой любимый племянничек князя, Дмитрий Всеволодович, сейчас, полагаю, сидит у лучшего столичного лекаря и пытается понять, почему его хвалёный родовой рубин разлетелся в пыль прямо на пальце.

Игнат пробежал единственным глазом по строчкам судебного определения, перекрестился размашисто и вдруг глухо, по-стариковски расхохотался, хлопнув себя ладонью по колену.

— Вот это по-нашему! По-генеральски! Ну, Алексей Дмитриевич, ну умыли вы этих павлинов! Теперь по всей Пречистенке слух пойдёт!

— Слух пойдёт, Игнат, и именно поэтому радоваться рано, — я прошёл в кабинет, стянул с себя дедовский мундир и аккуратно повесил его на спинку кресла. — Князь Всеволод такого позора не простит. В открытую он не полезет — побоится Сената и Императора. А вот ночью пришлёт гостей. Не простых воров, а пару-тройку головорезов с рангами повыше. Надо готовить дом к встрече.

Старик мгновенно посерьёзнел, его взгляд снова стал жёстким и собранным, как у старого солдата перед ночным караулом.

— Что делать будем, барин? Ружьё у меня заряжено, картечь крупная, да только против щитового амулета первого или второго круга дробь — что горох об стену.

— Против щитового амулета дробь не сработает, — со-

гласился я, доставая из потайного ящика стола остатки чёрного порошка, купленного ночью у Филимона, и связку ключей от подвала. — А вот против физики, химии и правильной инженерной закладки ни один бытовой или наёмничий оберег не выстоит. Пошли вниз, Игнат. Пора превратить нашу развалюху в маленькую крепость.

Следующие четыре часа мы провели в подвале и на первом этаже флигеля, работая слаженно и без лишних слов.

Я прекрасно понимал свои сильные и слабые стороны. В лобовой магической перестрелке против двух-трёх обученных наёмников третьего или четвёртого ранга я не протяну и десяти секунд: три иглы на троих — слишком малый боезапас, а мой резерв маны иссякнет после второго же импульса. Значит, бой нужно переводить на свою территорию и в ту плоскость, где я — абсолютный профессионал, а они — слепые котята.

В старой оружейной каморке нашлась жестяная банка с мелким чёрным ружейным порохом, бутыль технического спирта, два мотка тонкой медной проволоки от старой эфирной проводки, обрезки свинцовых водопроводных труб и ящик ржавых сапожных гвоздей. Вся эта рухлядь годами пылилась в углу, не представляя никакой ценности для судебных приставов, но для бывшего сапёра штурмовой группы это был настоящий клондайк.

Первым делом мы укрепили слабые точки периметра. Первый этаж флигеля имел шесть высоких окон, выходящих

в заросший сад и на переулок. Ставни на них были дубовые, окованные железом, но задвижки давно разболтались. Мы с Игнатом наглухо забили пять окон изнутри толстыми сосновыми брусьями в распор, оставив для возможного проникновения только одно — угловое окно в бывшей гостиной, выходящее в тёмный сад. Самая очевидная точка входа для любой штурмовой группы, привыкшей работать по шаблону.

Именно под этим окном, за тяжёлыми бархатными портьерами, я и собрал первый «сюрприз». Отрезок свинцовой трубы длиной в полторы четверти, плотно забитый смесью пороховой мякоти, мелкой медной стружки и остатков Филимонова «чёрного песка», перетянутый медной проволокой с заранее сделанными насечками для осколков. Детонатор — простейший механический ударник от старого капсюльного замка, соединённый тонкой леской с оконной рамой и шпингалетом. Стоит кому-то снаружи отжать створку на три дюйма — боёк сорвётся, и направленный взрыв выметет весь подоконник вместе с первым вошедшим, а частицы турмалинового состава мгновенно выжгут защитные контуры у тех, кто стоит следом.

Вторую растяжку — сигнально-световую, на основе смеси магниевой пудры со старых фотографических вспышек деда и бертолетовой соли — я установил в узком коридоре, ведущем от чёрного хода к лестнице на второй этаж. В замкнутом пространстве коридора такая вспышка выжжет сетчатку любому, кто не закроет глаза, на добрую минуту, полностью

лишив противника возможности прицельно плести контуры.

— Ловко вы это, Алексей Дмитриевич, — пробормотал Игнат, с уважением глядя, как я ювелирно закрепляю чеку на оконной раме. — В Маньчжурии сапёрная рота похожие фугасы под японские окопы подводила, только побольше. Откуда в вас эта наука? Неужто в книжках дедовских вычитали?

— В них самых, Игнат, — коротко ответил я, вытирая испачканные порохом пальцы о ветошь. — Дед знал толк в обороне. Теперь слушай боевой расчёт. Как только стемнеет — гасим все свечи и лампы. Ты поднимаешься на второй этаж, в мою спальню. Окно там выходит прямо на садовую дорожку. Обрез держишь наготове, но первым не стреляешь. Если гости полезут в гостиную и сработает нижний заряд — добьёшь сверху тех, кто замешкается у крыльца. В дом не спускайся ни при каких обстоятельствах, пока я не подам условный сигнал. Понял?

— Так точно, Ваше сиятельство, — вытянулся старик, и в его единственном глазу блеснул азарт старого фронтовика. — Не подведу.

Ночь опустилась на Пречистенку густая, безлунная, пахнущая сырой листвой и угольным перегаром с далёких заводов. К одиннадцати часам редкие пролётки перестали цокать подковами по булыжнику, а газовые фонари на углу переулка замигали и погасли — городская управа экономила газ в бедных кварталах.

Я сидел в глубоком кожаном кресле в тёмном углу холла второго этажа, откуда идеально просматривалась и парадная лестница, и коридор к чёрному ходу. На мне была тёмная шерстяная водолазка и плотные суконные брюки — никакой светлой ткани, способной выдать силуэт в полумраке. На левом предплечье привычно сидел кожаный наруч с тремя обновлёнными иглами, а в правой руке я держал тяжёлый дедовский кортик с гранёным клинком — на случай, если дело дойдёт до ближней рукопашной.

Время тянулось медленно, густо, как осенний туман. В старом доме скрипели остывающие балки, за плинтусом шуршала мышь, да мерно тикали напольные часы внизу, отсчитывая секунды до полуночи.

Ровно в половине второго ночи тишина во дворе изменилась.

Сначала замерла бродячая кошка, мяукавшая у садового забора. Потом со стороны задней калитки донёсся едва слышимый, осторожный хруст мокрой листвы под мягкой подошвой. Двигались профессионалы: не переговаривались, не светили фонарями, шли в ногу, распределяя сектора.

Я медленно поднялся из кресла, бесшумно скользнул к перилам балюстрады и замер в тени мраморной колонны. Внизу, в непроглядной темноте первого этажа, послышался лёгкий металлический скрежет — кто-то снаружи аккуратно поддевал ломиком створку того самого единственного незаколоченного окна в гостиной.

«Давай, родной. Ещё два дюйма», — мысленно поторопил я незваного гостя.

Рама подалась с тихим треском сухого дерева. Спустя долю секунды раздался короткий сухой щелчок капсюля — и следом ночную тишину Пречистенки разорвал оглушительный грохот.

Взрывная волна выбила остатки стёкол из рамы, осыпав сад дождём осколков. Из гостиной вырвалось багровое пламя, перемешанное с густым чёрным дымом и шипящими синими искрами — это «чёрный песок» Филимона вступил в реакцию с рунными защитными амулетами штурмовиков. Внизу раздался дикий, захлёбывающийся вопль раненого и сдавленное, злое ругательство второго номера.

— Засада! Назад, в сад! — рявкнул хриплый мужской голос в темноте.

И тут же сверху, из окна второго этажа, грохнул оглушительный дуплет дедовского обреза. Игнат не подвёл: крупная волчья картечь с десяти шагов накрыла отступающую группу прямо на садовой дорожке. Снизу донёсся звон разбитого амулета, тяжёлый глухой стук падающего тела и торопливый топот сапог, улепётывающих через пролом в заборе.

Но расслабляться было рано. В любой грамотной штурмовой группе всегда есть группа прикрытия, заходящая с фланга.

Едва стихло эхо выстрела, как со стороны чёрного хода раздался треск выбиваемой двери. Туда ломился одиночка

— самый быстрый и опытный из них, решивший воспользоваться суматохой и добраться до цели напрямую. В темноте коридора вспыхнуло бледно-голубое сияние: боец на ходу плёл быстрое воздушное лезвие, готовясь резать любого, кто встанет на пути.

Он влетел в коридор на полной скорости — и задел сапогом натянутую у самого плинтуса медную нить.

Ослепительная, нестерпимо белая вспышка магния на миг превратила первый этаж в филиал солнца. Наёмник вскрикнул, инстинктивно прикрывая обожжённые светом глаза левой рукой, но правой наотмашь швырнул своё воздушное лезвие в сторону лестницы. Свистящий серп сжатого воздуха срубил дубовые балясины в полуметре от моего плеча, осыпав меня щепками.

Больше шансов я ему не дал. Перемахнув через перила прямо на середину лестничного пролёта, я в падении выбросил левую руку и всадил метеоритную иглу точно в светящийся контур его защитного перстня. Синяя искра короткого замыкания обожгла пальцы наёмника, заставив его выронить кинжал. Через секунду я уже стоял вплотную, коротким ударом рукояти кортика в висок отправив ослеплённого бойца в глубокий нокаут на паркет.

В доме снова стало тихо. Пахло пороховой гарью, горелым магнием и озоном. Где-то вдалеке, на соседней улице, завыли полицейские свистки городовых, поднятых на ноги ночным грохотом.

Я наклонился над бесчувственным телом наёмника, сдёр-
нул с его ли

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.